

А. Л. И В. Л. ГОРДИНЫ

Долой анархию!

1. О необходимости знать, что такое анархия. Единодушие в порицании беспорядка и разногласие в понимании его

От первого банкира до последнего обывателя, от первого помещика до последнего крестьянина, от первого фабриканта до последнего рабочего все сходятся в том, что анархия, если под ней разуместь беспорядок, не годится. Насчет этого двух мнений нет. Однако это достопримечательное единодушие сразу исчезнет, когда одна из сторон попробует яснее определить, точнее установить, что она называет порядком и что беспорядком. Немедленно обнаружится, что крестьяне склонны считать беспорядком тот порядок, при котором вся земля сосредоточена в руках помещиков и т. д., и т. д.

Ясно, что суть дела оттого, что мы все так усердно и от всей души кричим: долой анархию! — нисколько не меняется, так как каждый из нас влагает другое понятие в эти слова, понимая их по-своему. Мы, очевидно, говорим на разных языках. А между тем, сговориться нам все-таки крайне необходимо, в особенности с теми, которые воистину болеют со всеми угнетенными.

Кто не порицает анархии, но кто знает анархии!

Если мы кричим «долой ее», то необходимо же знать, что оно. <...>

А между тем простой народ совершенно ничего не знает, чего хотят анархисты. Даже образованные люди, пишущие в «Известиях», знают не больше. Да Бог с ними, с интеллигенцией-то, нас интересуется здесь, главным образом, народ. А где же было народу знать, что такое анархия, когда при старом режиме за одну такую книжку можно было попасть на виселицу. Сейчас же народ, вершитель своей судьбы, должен все знать, во всем разобраться, иначе он рискует проклинать друга и благословлять врага.

Где незнание, там и ошибки. Ведь не всё, что говорят, правильно. Не всякого ли революционера, при старом режиме, объявляли врагом народа. Теперь же все их воспевают, даже те, которые еще вчера кидали в них камнями. Нельзя же все-таки драть глотку «долой!», не зная кого и что. Никто же, право, не скажет про блюдо, вкусно ли оно или нет, если от роду не отведал от него.

В знании — сила. Если знание того, что восхваляешь нужно, то тем более необходимо, знать то, что порицаешь. Порицание ведет к осуждению, осуждение нередко ведет к преследованию, а преследование ни в чем неповинных страшно грешно и страшно вредно всему обществу. История необычайно богата жертвами нашего заблуждения, жертвами нашего невежества. <...>

Это длинная, предлинная печальная история, история наших заблуждений, нашего невежества, история наших все новых и сызновых распинаний наших Спасителей учит нас быть осторожнее —

раньше знай, а после порицай!

2. Нападки на анархию

Невежество, предрассудок и злое намерение корыстных людей соединились здесь все вместе, образуя такой прочный нерасторжимый союз клеветничества и измышления разных небылиц, какой человечество когда либо знало. <...> К чему и что за смысл прибегать к таким недопустимым приемам борьбы, как изображать всех анархистов ворами, разбойниками, громилами, грабителями, словом хулиганами. И досаднее всего, что это делают люди, которые мнят себя защитниками угнетенных, господ «социалисты». Возмутительное и непростительное издевательство над истиной. Приходится тебе при таком положении вещей, независимо от твоих убеждений, лишь удивляться, прямо преклоняться перед силой воли, перед самоотверженностью той горсти великих смельчаков, идущих своей дорогой, несмотря на презрение всего общества.

И не говорит ли это о слабости *идеи о власти!* Очевидно, поклонники власти сами не верят в силу своего убеждения, в возможность отстаивания своей идеи без лжи и клеветы. <...>

Вы занимаетесь травлей на анархизм, не только на анархистов, и не на тех отдельных лиц, за которых ни анархизм, ни даже анархисты не отвечают, и которые, по всей вероятности, явля-

ются вашими же агентами, провокаторами, агентами вашей власти или же, в самом лучшем случае, нами спровоцированными. На всех столбцах ваших газет вы трубите о надвигающейся анархистской опасности, твердя в исступлении вашем: беспорядок, анархия, анархия на местах, анархия в провинции, анархия в столице и т. д., и т. д. до тошноты.

Но есть ли анархия — беспорядок? учит ли анархизм беспорядку, уничтожению общества? Ведет ли он к распаду общества? — Этого вы и не думаете доказать, гнусные клеветники!

3. Что такое анархия?

Вот мы и ответим ясно и категорически: анархия не означает беспорядка, а напротив — самый лучший порядок, то есть порядок без насилия. Анархия это самое тихое, самое мирное, самое вольное общество, где нет принуждения, а все делается добровольно, путем соглашения.

Кажется, ничего страшного в этом пока нет. Но дальше анархизм отрицает право власти, считая ее грубым насилием, именно правом сильного, чем обыкновенно противники угрожают Вольному обществу. Анархизм проповедует упразднение власти, а это уж не очень выгодно той кучке, которая стоит у власти. Вот она и поднимает гвалт. Но крик ничего не доказывает, а лишь мутит, волнует народ, пока он не разберется, на чьей стороне правда. И к чему истерический крик: «анархия — гибель революции»! Анархисты никакой власти не признают, кроме власти убеждения. Убедите же, а пока вы нас не переубедили, мы будем проповедовать наше убеждение, что всякая власть есть насилие, угнетение личности и что ни один человек не имеет права властвовать над другим, будь он выбранным другими или выбранным им самим, самодержцем или депутатом.

Никто, никакой человек не обладает правом приказывать, а лишь просить или советовать.

<...> Министры, выбранные толпою, нередко также бывают лишь льстецами и угодниками толпы, поддакивающими всем слабостям ее. Не говорят правды, а главное — краснобаят и краснобаят, вот и становятся министрами. Притом, ты, говоришь, умней, так переубеди же, вразуми, а пока не умеешь этого сделать, я остаюсь при своем: мне кажется, правда на моей стороне, справедливость на моей стороне, и потому раболепно слушаться

не намерен. Но что я вижу, ты сжимаешь кулаки и скрежещешь зубами, где же твой мудрый разум, я вижу лишь грозный кулак. Что это свистнуло надо мною в воздухе — это твой кнут, — символ власти. Уймись, ты, поганая озверевшая власть. Это твой так называемый закон — хулиганское насилие. Я Человек, я горд, не доведи меня до отчаяния.

Так говорил Анархист на площади к толпе. <...>

Что власть не право, а именно право сильного, то она, власть, сразу станет *бессильной*, и не только *права*, которого она, впрочем, никогда не имела, но и *силы* никакой у нее не окажется, ибо никто не захочет поддерживать власть в насилении товарища для того только, чтоб завтра она могла его самого насиловать, ведь ясно станет для каждого разумного человека, что как его товарищ стал сегодня жертвой этого произвола, именующего себя правом, то равно так же и он может оказаться завтра такой же жертвою этого же произвола. Какой же смысл имеет для сознательного Человека оказать содействие той грубой силе, тому разнузданному произволу, той деспотии, которая всем одинаково угрожает. Сегодня она творит расправу с ним, завтра со мною. Попробуй и ты послушаться этого зверя, и будь даже правым, как нельзя быть более правым, будь даже чистым, как ангел, как херувим, этот лютый зверь тебя не пощадит, он тебя растерзает. Словом власть это «насилие всех над всеми», а не только насилие «большинства» над «меньшинством». Насилие, насилие, насилие — вот три основы власти. Но вы лгите, вы народу истины не говорите, ему вы с напускным благоговением фараонских жрецов говорите, стращайте: «это закон!» «это право!» как будто оно и священно и справедливо, как будто человек должен покориться этому беззаконию, как он должен покориться истинному закону, его собственному закону, внутреннему закону, т. е. закону своей совести. Но ложь вечно существовать не может, и скоро она обнаружится и тогда вот рухнет все это здание произвола, все эти суды, тюрьмы и проч.

<...> Совести сейчас никакой нет. Она заглохла, зацемлена законом — беззаконием. Но когда уничтожатся эти законы, эта власть, власть насильников, богачей и угнетателей, не будет больше ни рабов ни господ, не будет больше никакого угнетения, тогда люди заживут тихо, мирно — по-Совести, по-Человечески. Благо общества совладеть с благом его каждого отдельного члена, себялюбие — с любовью к ближнему, все будут свободными

и всем будет хорошо — вот и не будет больше ссор, драк, грабежей, воровства, разбоя и войн. Собственная польза и польза всех подскажет людям быть честными, миролюбивыми, хорошими. Общество будет управляемо *Любовью*, как хорошая семья. Инстинкт самосохранения, ответственность за свои поступки перед самим собою, уважение к достоинству Человека, все это направит общество на путь добра и совратить его с пути зла. С уничтожением первоначального источника зла и угнетения — власти, уничтожится или, по крайней мере, ослабнет и само зло. Одно уничтожение власти уж есть восторжествование добра над злом, водворение Мира и Любви на земле.

— Так вот как! у вас богатых и бедных вовсе не будет.

— Не будет. Там будет Коммуна или же, вернее, Панкоммуна.

— А это что такое?

— Вот, объясню.

4. Что такое Панкоммуна?

Панкоммуна буквально означает все — коммуна, все — общественно. В Коммуне «все для всех!», никакой частной собственности нет. Вся земля, все дома, все фабрики, заводы, все продукты, все предметы, словом все богатства принадлежать всем, всем ее членам. Там один человек не может себе накопить много хлеба, запасов, разных продуктов, домов, фабрик, дворцов и тому подобного, так как все это принадлежит всем одинаково. Общество дает всякому, сколько ему нужно, «каждому по потребностям».

— А если кто-нибудь припрячет?

Да на какой чёрт оно ему? Разве завтра не достанет. Всякому дается всегда все, сколько ему надо. Там спекулянтов не будет, чтобы они припрятали товары для взвинчивания цен, как сейчас во время войны.

— А как, войны будут у вас?

— Нет. Потому ведь я и говорил Панкоммуна, а не просто Коммуна. Это значит, что у нас будет и Коммуна территорий, т. е. не будет больше частной собственности на территорию. Каждый народ, где бы он ни был, сможет жить по-своему, говорить на своем языке, воспитывать своих детей по-своему, устраивать все по-своему, в его духе, согласно его обычаям, особенностям его души и истории. Русские в Нью-Йорке устраивают себе русскую свободную колонию, живут себе так свободно и, если захотят,

так по-русски, как в Петрограде и Москве. Так же живет себе латыш, француз, поляк, живет полной национальной жизнью в Петрограде и Лондоне или Берлине. Ни один народ не станет затевать войн, ибо они лишни и бесполезны: захватить нечего. Сейчас один народ воюет с другим только из-за захвата территории, тогда же будет провозглашено: «Весь земной шар всему человечеству!» Каждому народу будет сказано: селись, где угодно, ты все равно везде и повсюду вправе жить по-своему, никто тебе ничего не укажет — все к твоим услугам, вся земля перед тобою от одного края до другого!

— А что станет тогда с любовью к отечеству?

— Отецеств больше не будет. И слово это будет позорным воспоминанием варварского прошлого, пережитком старого мира, основанного на частной собственности, на краже, грабеже, захвате, насилии и угнетении. Отечество это захват, захват данной территории только для себя. Этому не быть! Всякая территория принадлежит всем населяющим ее народам, — весь земной шар всему человечеству — вот коммуна территорий. Тогда будет не любовь к отечеству, а *любовь к человечеству*. К человечеству и к своему народу. Отечество это — частная собственность на территорию!

— А почему тебе так страшна частная собственность?

— Вот почему. Пока есть частная собственность, всякий живет только для себя, только себялюбием, старается набрать, чем больше, не останавливаясь ни перед чем; грабить, хищничать — вот закон частной собственности. Что получается в результате? — Один фабрикант эксплуатирует миллионы рабочих, один помещик донимает тысячи крестьян. Один миллиардер, а другой голыш. Так обстоит дело и с частной собственностью на территорию. Один народ награл много территорий — вот, его отечество занимает чуть ли не половину земного шара, один территориальный миллиардер, а другой народ территориальный батрак, бобыль, вовсе отечества не имеет, так, наприм., еврейский народ и другие. Разве это справедливо?

— Согласен. Если уж Коммуна, то уж настоящая Коммуна. Панкоммуна, Коммуна всего, и коммуна территорий, конечно. Так оно и должно быть. Но вот что меня интересует. Как вы насчет женщин. Говорят, что у вас Коммуна жён. Правда, я уж видел, что много лгут на счет вашего брата, но последнее кажется мне вполне правдоподобным: раз частной собственности нет: «все для

всех», значит, всякая собственность общая, жена же собственность мужа; отсюда ясно, что, при отмене частной собственности все женщины принадлежат всем мужчинам.

— Вот я вижу, как вы последовательны в своих заблуждениях. Всё это правильно, но лишь по-вашему. Это только приколачивает к позорному столбу ваше преступное отношение к женщине. И оно лишним образом доказывает нам как старый мир мерзок, как он зол. Вы поработаете женщину, эксплуатируя ее двояко, низведя ее на степень *рабыни и самки*... и вы переносите ваше рабство, ваши извращенные и развращенные понятия в нашу свободную, чистую, нравственную Панкомму. Панкоммуна означает и коммуна домашнего хозяйства, равномерное одинаковое добровольное участие обоих полов во всех областях жизни и хозяйства. У вас мужчины властвуют над женщинами, угнетают их, покупают их как скот, она есть поэтому частная собственность, собственность покупателя-мужа, она есть предмет полового потребления (не даром говорите «потребная» женщина) и с уничтожением частной собственности, с коммуной всех предметов потребления вы естественно ждете и коммуны ваших предметов полового потребления. Но какая здесь бездна гнусности и мерзости. Ведь, вы тут нам открыли лишь один из ваших пяти гнойников (пять угнетений современного общества) и смотрите, какой смрад носится кругом, взгляните, какой ужас одичания смотрит на нас оттуда, из глубины вашей жизни. Но развращенные насильники! женщина ведь не *предмет потребления, а Человек*. Мы знаем, вам страшна мысль о женщине-Человеке, ибо это может иметь для вас, ненасытных сластолюбцев, дурные последствия уменьшение суммы ваших наслаждений... Но желаете ли вы этого или нет, а женщина раньше или позже освободится от вашей двойной эксплуатации, хозяйственной и половой, и станет свободным Человеком, ибо женщина — Человек, Человек, как вы, мужчины. А какое же право и наглость вы имеете сказать: «все для нас мужчин», «все женщины для нас!» Прочь вы, развратники-насильники!

В вашем обществе вы обставили дело так, чтоб женщина, не имея другого исхода, всегда была к вашим услугам... Вы нарочно лишаете женщину возможности жить самостоятельно, заниматься чем-нибудь другим, помимо удовлетворения вашей страсти. В нашем же обществе женщина будет человеком, работающим, созидающим и творящим наравне с мужчиной. Голод,

презрение общества, беспомощность и беззащитность не гонит ее в объятия первого мужчины-толстосумы. Выбор произойдет потому свободно, осторожно, осмотрительно и медленно, по долголетней дружбе, или быстро, по вспыхнувшей любви. Этот союз двух людей, двух человек, равных и одинаково сильных. Тут не многоженство, а единственное чистое единоженство, какое только возможно. Это не современная домашняя проституция, доведете своих жен до вырождения и вымирания. Это пленительный своей красотой священный союз, союз любви и красоты, союз для создания новой жизни.

— А почему ты называешь этот союз священным?

— Потому что он создает жизнь, а жизнь в нашем будущем обществе будет святыней. В Панкоммуне господствует начало священности жизни. Почему? А вот почему. У вас жизнь горе, мука, печаль. У нас жизнь, радость, упоение. И потому жизнь священна. Самое высшее благо для нас это жизнь. «Не убий!» это основное начало нашей будущей Панкоммуны. Из него вытекают пять «не угнетай!»: не угнетай Работника, не угнетай Женщины, не угнетай Национальности, не угнетай Молодежи и детей, не угнетай Личности (человека законами, властью). Вот основные начала нашей Коммуны, над которыми высится начало Священности Жизни. Но священность Жизни означает у нас и священность Труда, ибо для нас Жизнь и Труд означают одно и то же.

— А эти законы твои, кто напишет, не министр ли?

— Нет. Это не законы министерств. Это законы нравственности, нашей общественной нравственности, это законы Совести. Они написаны перстом Справедливости в каждом сердце, но они заглушены сейчас тюрьмами, законами государственными, заглушены сплошной несправедливостью нашей современной жизни. Когда уничтожим ее, уничтожим государство или его покинем, удирая от него, как от чумы, тогда заговорить в нас глас Справедливости.

— Как же у вас будет воспитание детей: в семье или в школ?

— Мы детей не отнимем у родителей. Но родители всегда предпочтут отдать своих детей на руки врачам-гигиенистам, избавляя их от рук кумушек и бабушек. Врачи-гигиенисты передают детей, когда последние подрастают, в руки педагогов; вернее же, врачи и педагоги будут работать совместно. О воспитании в семье не может быть и речи, ибо оно означает угнетение женщины,

взваливание непосильного бремени воспитания ребенка на мать. Это общее воспитание также входит в понятие Панкоммуны.

— Но вот меня именно интересует, каково будет ваше духовное воспитание (не телесное)?

— Это опять определяется словом «Панкоммуна». Для детей будет устроена Детская Коммуна с воспитательной целью. Это их школа. Но это не отвратительная, душековеркательная современная школа, где учителя мучат детей, где детская душа есть глина для лепки из нее желательных фигур по разным программам и образцам. Нет! Детская Коммуна-школа не такова. Она будет лишь миниатюрой Коммуны взрослых. Как вы видите детей в играх, подражающих занятиям старших, так и тут дети, вольные, свободные, будут делать то, что делают старшие в большой Коммуне, они сделают все, что старшие, только все по-ихнему, по-детскому. А потому, когда юноша выйдет из Юношеской Коммуны, пройдя первоначально в детстве Детскую Коммуну, он не будет таким калькой, таким книжным мудрецом, всезнайкой, и практическим жизненным некудышником, каких фабрикует современная книжная, рабская и безжизненная, основанная вся, в корне своем, на угнетении Молодежи и Детей, школа; не будет у него, как у выходцев нашей школы, расшатанная нервная система, прогрессирующая близорукость и искривленный позвоночник.

— Каково же будет у них мировоззрение?

— Это их дело, дело самобытности самой Молодежи. У нас паспортной системы для мировоззрений нет... ибо от чего прикажете их оберегать в Панкоммуне, не от анархизма ли, от коммунизма ли... Самое страшное и роковое совершилось. Уж опеки больше не нужно. Кроме того, всякая Личность у нас неприкосновенна; Молодежь, как нечто целое, с ее душевными особенностями, для нас неприкосновенна. Мы потому не насилуем их духа, не коверкаем их души, им предоставлена полнейшая духовная свобода, полное самоуправление и самоопределение. Верить ли в Бога или в чёрта, в Магомета или в Будду, в Ньютона или Дарвина или же в никого не верить, верить ли в атомистику, в энергетику, в позитивизм, в оккультизм, в спиритуализм или же в пантехникализм (отрицание религии и науки и признание истинности одной техники) — это их дело, дело свободного выбора. Мы же ничего не внушаем. Мы их лишь *приспосаблием* к практической жизни в нашей Коммуне или

Панкоммуне. Творить свое мировоззрение они будут по-своему, по-молодому, по-новому или же по-старому, по-нашему, как захотят и чего захотят. Наша школа, Детская или Юношеская Коммуна, не занимается вбиванием в голову, закупориванием навеки, таких-то или таких-то излюбленных нами учений, а имеет совершенно другую цель: практическое приспособление молодежи к жизни, к будущей ее жизни в Коммуне взрослых. Наша школа, эта Детская и Юношеская Коммуна, и называется потому Школой Воспроизведения Жизни («Репродуктина») или Школой Приспособления («Адаптина»).

— Спасибо, товарищ, за объяснение. Теперь я уж начинаю понимать, что в вашем обществе после вашего воспитания лентяев и праздношатающихся не должно быть, во всяком случае их будет ничтожно мало. Я вижу, что ваше воспитание вполне соответствует, с одной стороны, вашему началу Неприкосновенности всякой Личности и, с другой стороны, началу Священности Труда.

— Так оно и есть. Но скажите мне, товарищ (я Вас уж называю таковым), страшна ли вам после этого наша анархия, наша Панкоммуна. Конечно, она страшна. страшна тем, которые хотят властвовать, хотят награть побольше для себя, но страшна ли она, т. е. должна ли она быть страшной людям справедливости, желающим добра всем, не только себе и своему карману, страшна ли она Бедным, страшна ли она Обездоленным, Гольшам, Батракам, страшна ли она Трудящимся, Работникам, страшна ли она всем Угнетенным?! Нет. Она страшна лишь для тех, которые хотят держать человечество в тисках, в звериных когтях власти, невежества и предрассудка. Они хотят образования, богатства, власти все для себя. Мы же хотим *всего для всех*, и власти для всех. Мы хотим, чтоб каждый был властью для себя, чтоб каждому дана была власть над самим собою. Мы хотим равенства, чтоб не было богачей и бедных, миллиардеров и голышей. Мы хотим равенства и в власти: чтоб не было министров-повелителей, и подчиненных, послушников-граждан. Хотим власти Совести и Справедливости, а не власти кулака, не власти насилия, «насилия всех над всеми». Хотим власти сознания и долга, а не власти глупости, произвола и самоизнасилования, не хотим власти несознательных глупых «всех», насилующих «всех».

Мы хотим, чтоб не было голодных, не было оборванных, не было босых. Нам стыдно быть сытым, когда хоть один человек

на земном шаре голодает, нам стыдно быть одетым, когда кругом гуляют оборванцы, страшно ли вам это?

О, нам стыдно
Умным быть
Меж глупцов.
О, нам стыдно
Зрячим быть
Меж слепцов.

Нам стыдно быть честным, когда есть хоть один вор на всем земном шаре, и нам стыдно гулять на воле, когда есть хоть одна тюрьма на всем земном шар. Это уж, быть может, вам страшно будет. И это не страшно.

Но страшен и грозен наш призыв.

Встаньте все голодные, все оборванные, все босые; встаньте все «темные», одураченные и обманутые; встаньте все обиженные, все заключенные, все осужденные; встаньте все усталые, все изнуренные, все трудящиеся; встаньте все поработанные, все недовольные, все угнетенные; встаньте все печальники, все вздыхающие, все скорбящие; встаньте и все окрыленные, одухотворенные и устремленные; встаньте и вы, невольники религии и невольники науки; встаньте и уничтожьте старый мир, мир предрассудка, суеверия и суенаучия, мир угнетения и насилия, мир слез и крови и устройте новый мир, мир для всех, Панкоммуну, мир любви и красоты, мир радости творчества, мир Добра и Справедливости. Уничтожьте его иль покиньте — и он, мир зла и преступления, самим собою сгинет, издохнет, грызя свои куски золота и захлебываясь в собственной своей крови. Это уже наверное вам страшно будет.

Страшно и горе старому миру.

Вот как мы по своему понимаем «Долой анархию!»: долой старый мир с его голодом и холодом, с его преступлением и омерзением, с его босячеством и дурачеством, с его суеверием и дикозверием, с его верой-аферой, с его наукой-врюкой, с его властью-пастью, с его моралью-каналей, с его добром-злом, с его справедливостью-лживостью.

**Положения об общей позиции
Анархизма-Универсализма,
принятые секретариатом всероссийской секции
«анархистов-универсалистов», общим собранием
Московской секции АУ и представителями
организаций провинции в январе 1921 года**

1) Человеческое общество с самой своей колыбели и до наших дней на протяжении многих и многих веков, разъедаемое и потрясаемое классовой борьбой, явившейся в результате установления власти, частной собственности — и государства — стремится к восстановлению нарушенного общественного равновесия, к свободе, к равенству, к анархии.

2) Класс эксплуатируемый, в периоды своей насильственной революционной борьбы, не раз пытаясь сбросить с своих плеч захватчиков и угнетателей, тем не менее всегда оказывался побежденным. Благодаря обману, лжи, предательству, недостатку организационного единства и классового самосознания, он бросал свое оружие, возмущение, восстание и революции, или, обессиленный и разбитый, или, удовлетворяясь незначительными достижениями, — оставляя неразрушенным основу своего угнетения — государство и частную собственность.

3) Однако уроки революции, все большее и большее выявление сущности государства и частной собственности, выразившееся в создании чудовищного мирового капиталистического государства, а также рост опорных, самим угнетенным классом созданных, организаций и объединений, привели угнетенный класс к единой мысли, единой идее — немедленного разрушения всех форм угнетения и рабства, всех институтов, покоящихся на государстве и частной собственности, — к идее Мировой Социальной Революции.

4) Идея Социальной Революции, проникая все глубже и глубже в сознание угнетенных всего мира, тем не менее в конце XIX-го века и первого десятилетия XX-го оставалась исключительно достоянием одного сознания, не претворяясь в волю, в действие порабожденного класса всего мира.

5) Мировая война и созданная ею мировая разруха, обнажив стержень капиталистического государства и всю катастрофичность человеческого общества, построенного на нем, явилась последним элементом, который идею мировой социальной революции перенес в волю и действие угнетенного класса.

6) Октябрьская революция в России, революция в Венгрии и Германии, начатки революции в Италии и других странах знаменуют собой не наступление революционного периода вообще, но наступление, начало эпохи Мировой Социальной Революции.

7) Характер первой фазы мировой революции, ее напряженность, ее волевая непреодолимость, ее экстерриториальность и классовый боевизм, ее основные развивающиеся тенденции, направленные не в сторону реформ и буржуазно-государственного строя, а к полному уничтожению его, беспримерная ожесточенность господствующего класса, его трехлетняя сплоченная организованная борьба, стирающая государственные перегородки и объединяющая в своем походе на социальную революцию господствующие классы всех стран в единый мировой контрреволюционный класс, наконец, бессилие мирового империализма своей системой в области общественной, политической, хозяйственной и духовной уничтожить катастрофичность человеческого общества, определяют собою, во-первых, мировой распад на два непримиримых класса, вступивших в смертельный бой; во-вторых, исход самой мировой социальной революции, долженствующей выразиться или в полной катастрофе мирового человеческого общежития, в смерти его, или в торжестве идеи Мировой Социальной Революции, т. е. в торжестве идеала, тенденции которого на протяжении многих тысячелетий истории человечества всегда проявлялись народными массами в творчестве, в формах общежития, в первобытной коммуне, в деревенской общине, в цехах и гильдиях, в вольных городах, синдикатах, кооперациях, общественных союзах в современном обществе в его борьбе, в революциях древнего мира, в народных восстаниях средних веков, в эпоху великой французской революции и Парижской коммуны и, наконец, в октябрьской революции 17-го года в России и в последующих за тем революциях в других странах. Мировая Социальная революция приведет к торжеству исторического процесса, который насильственно, разбойническим путем, подавлялся захватчиками власти, созданным им постепенно для охраны своего господства государства, к торжеству процесса, в основу которого заложено движение человеческих личностей, стремящихся к осуществлению

в своей борьбе с физической, социальной природой таких союзов, объединений, общежитий, которые позволили бы установить основы для всестороннего развития человеческой личности, для ее полной свободы, для гармоничного развития общества, т. е. к торжеству идеала Анархии, единого мирового человеческого общежития свободно и гармонично построенного на бесконечно разнообразных цементированных солидарностью свободных объединений человеческих личностей, как потребителей, так и производителей, творцов материальных и духовных ценностей.

8) Анархическое движение, развиваясь в историческом периоде, чуждом Мировой Социальной Революции, тем самым должно было носить характер движения, подготовляющего необходимые элементы для эпохи Социальной Революции. Анархическое движение должно было выражаться в проповеди идей анархизма, и проповеди идей Социальной Революции, в боевой подготовке через организованное строительство рабочего класса, через революционный процесс — террор, восстания, бунты и революционные стачки.

Анархическое движение должно было замыкаться в той или иной стране, нося местный характер, развивая и усиливая метод террористической борьбы и оставляя в тени, на втором плане, метод мировой борьбы.

9) Эпоха Мировой Социальной Революции ставит перед анархическим движением в порядок дня практический вопрос — достижения анархического строя, тем самым коренным образом изменяет характер самого метода, перенеся его действия из тыла на фронт, т. е. из периода приготовления к Социальной Революции в самую Мировую Социальную Революцию.

10) Метод анархического движения, развивающегося в период распада всего мира на два класса, находящихся в смертельной схватке, в период анархической революции, потому что социальная мировая революция не может быть иной, во-первых, приобретает мировой характер, теряя, сбрасывая с себя местничество, территориальность, во вторых, становится в своем общем строении единым, а, в-третьих, он становится методом не только накопления анархического материала, расширения, углубления, сбережения, концентрации анархического действия, но, в тоже самое время, и в не меньшей степени, он является методом сбережения, концентрации, расширения и углубления и революционного действия вообще. Первый принцип может усилиться за счет второго, но, не усилясь, он не может уменьшить второй.

Единству капиталистического фронта должно быть противопоставлено единство революционного фронта.

11) Мировой характер анархического действия ставит, в первую очередь, задачу перед каждым местным анархическим движением не замыкание в тех или иных территориальных рамках по своему действию, по своим задачам, в своей системе, в своей организации, а выход из территорий, прорыв, ее сближение, соединение, координация, связанность с другими странами, со всем миром. Мировой характер анархического метода призывает местные организации к постановке первого и основного вопроса о создании Мировой Анархической Организации — Анархического Универсала.

12) Единство анархического метода ввиду множественности и разнообразия исторических условий, в которых складывалась та или иная форма анархического движения, в которых вырабатывались, выявлялись тенденции анархического порядка, творимые в каждой стране в тех или иных формах угнетенным классом, требует от каждого местного анархического движения отказа от навязывания своего местного метода всем другим странам, отказа от догматизма, «анархического патриотизма» и сектантства.

13) Метод накопления, концентрации анархического и революционного действия вообще, требует от местного анархического движения самого строго постоянного учета революционной энергии, координации революционных сил, выравнивания анархического местного метода по линии мирового революционного фронта.

14) Исходя из развитых положений 1–13, мы рассматриваем себя как одно из звеньев исторически сложившегося мирового анархического движения.

Отказываясь от догматизма, доктринерства, сектантства, понимая современную эпоху не как эпоху только проповеди Мировой Социальной Революции, но как самую мировую социальную революцию, анархистскую революцию, принимая все вытекающие следствия, как в отношении выдвигаемых этой эпохой задач и метода для каждого анархического движения в той или иной стране, так и для мирового анархического движения — мы определяем свою позицию в местном и мировом анархизме — как позицию Анархизма-Универсализма.

